

Андрей Михайлович СпиридовоновПетрозаводский государственный университет, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
185910, Петрозаводск, Россиястарший научный сотрудник МНОЦ CARELICA
Института Североевропейских исследований,
кандидат исторических наук

Раскопки могильника эпохи викингов в окрестностях Петрозаводска¹

В конце 2010 г. в распоряжение автора настоящего текста поступили сведения о находках поисковиками на северной окраине пос. Шуя серии раннесредневековых бронзовых украшений, а также предметов вооружения. Несмотря на явно грабительский характер раскопок, было принято решение пойти на контакт с поисковиками и удалось на время получить предметы для фотографирования и зарисовки (на предложения передать находки в музей последовал отказ), с выездом на место путем опроса трех информаторов — достаточно точно локализовать место обнаружения артефактов.

Предметы происходят с занятой лугом площадки на северной окраине поселка, расположенной на левом берегу р. Шуя, близ южной оконечности вытянутого вдоль берега слабого возвышения высотой около 2 м над уровнем воды. Место обнаружения находок, по сведениям информаторов, имеет размеры приблизительно 120 x 30—40 м.

С востока возвышение ограничено низиной — древней протокой или заливом реки, по которой проложена мелиоративная канава, в русле реки чуть ниже по течению находятся перекат и небольшой островок (рис. 1).

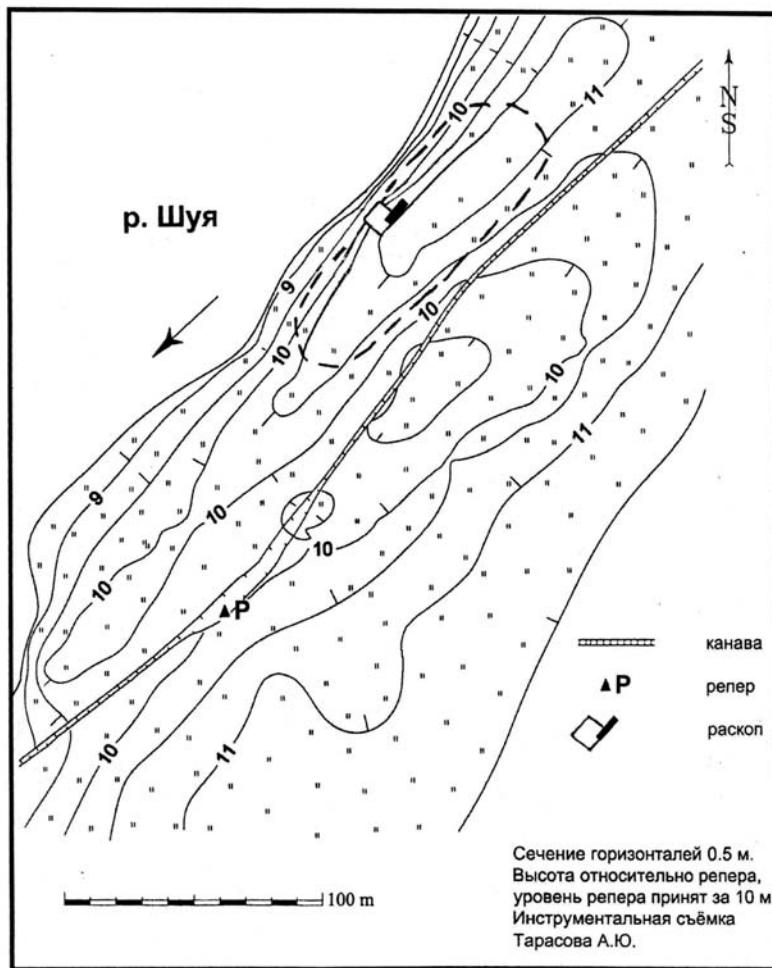

Рис. 1. План могильника Шуя с обозначением месторасположения раскопа 2011—2013 гг. Пунктирной линией обозначены предполагаемые границы могильника

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетГУ на 2012—2016 гг.

Коллекция, собранная на памятнике с применением металлоискателей поисковиками, включала 24 предмета следующих категорий: 1) Меч с явно намеренно сломанным клинком, навершие рукояти отсутствует, гарда сдвинута с первоначального места.; 2) два топора (один сломан); 3) обломок орнаментированного щитка овально-выпуклой фибулы; 4) обломок круглой ажурной фибулы; 5) пять целых (иглы только у двух) и обломок шестой подковообразных фибул с гранеными головками; 6) две подковообразные спиралеконечные фибулы; 7) обломок фибулы с расширяющимися концами; 8) часть горизонтального игольника; 9) обломанный бронзовый бубенчик; 10) бронзовая буса-«флакончик»; 11) обломанная двуконочная подвеска; 12) полая орнитоморфная подвеска; 13) шумящая горизонтальная подвеска-пронизка из рифленой полутрубочки с прикипевшей в огне привеской; 14) два кресала с бронзовыми рукоятками; 15) бронзовый браслет; 16) плоская поясная платина с петлями для привешивания. Сведения о вещах из коллекции «черных копателей» опубликованы [24: 28—36], подробнее останавливаться на них нет необходимости.

В 2011—2013 гг. примерно в центре указанной площадки могильника одним раскопом было вскрыто 144 кв. м (рис. 2). Нивелировка площадки на уровне дневной поверхности не позволила обнаружить каких-либо возвышений, указывающих на остатки курганной насыпи. Пахотный слой (серая гумусированная супесь с отдельными обожженными камнями и минимальной примесью печины) имел мощность 0,15—0,40 м и был снят одним горизонтом. В слое пашни встречались отдельные индивидуальные вещи, рассеянные мелкие фрагменты лепной раннесредневековой, гончарной позднесредневековой посуды и керамики Нового времени, измельченные кальцинированные косточки (табл. 1). После снятия пахотного слоя на поверхности раскопа обозначилось полукулько, оконтуренное двумя полосами дугообразных углистых полос, шириной 0,5—1,6 м, причем наиболее четко углистая полоса читалась на внутренней границе полукульца. Расчищенные под пашней остатки уходили в южную и западную, примкнувшую к обрыву берега реки, стенки раскопа. Между углистых полос кольца слой под пашней представлял собой плотную светло-серую супесь с отдельными мелкими угольками и кальцинированными косточками. К проявившемуся на предматериковой поверхности слою полукульца планиграфически тяготели немногочисленные раннесредневековые находки в пашне (табл. 1). На линиях кв. А-Д-1-5 (внутри вскрытой половины кольца) под пашней открылся светлый стерильный речной песок, лишь местами нарушенный полосами от тракторного плуга и вкраплениями отдельных угольков, ранне-

Могильник Шуя. Раскоп 2011-2013 гг. План.

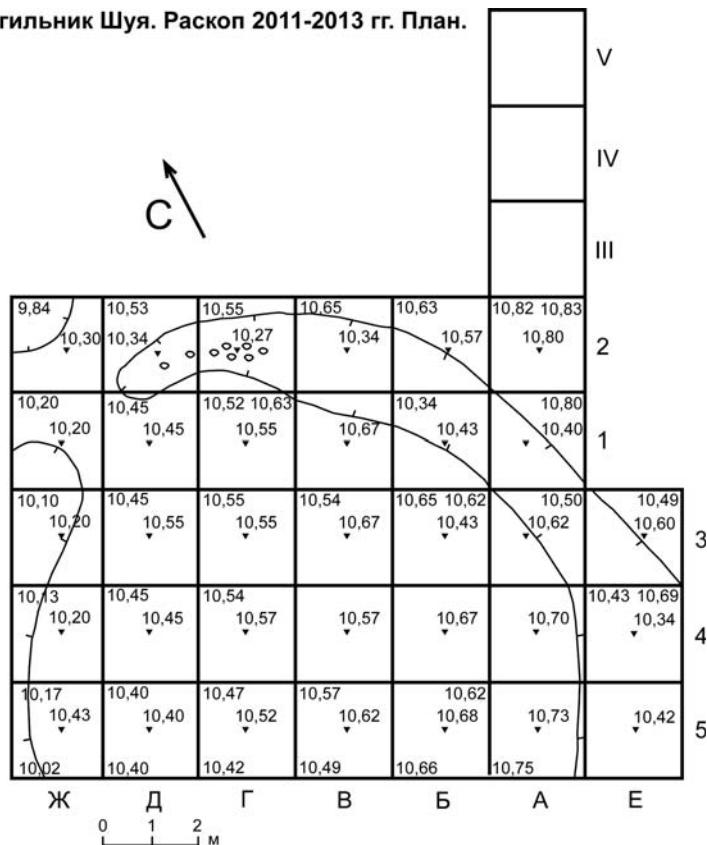

Рис. 2. План раскопа 2011—2013 гг. на могильнике Шуя на уровне материка. Нивелировочные отметки на уровне материка — от репера, указанного на рис. 1.

средневековые находки в пашне на этом участке были единичны. На кв. IV выявлен контур еще одного небольшого по площади западания слоя с угольками, уходившего в западную стенку разведочной траншеи 2011 г. В северном углу раскопа обозначилась яма — судя по характеру рыхлого заполнения и находке фабричного гвоздя, относящаяся к Новому времени (рис. 2). В разведочной траншее 2011 г. было отмечено, что некоторая концентрация находок кальцинированных костей и лепной керамики вновь возрастила на ее крайнем южном квадрате V.

Расчистка заполнения наметившегося полукольца и примыкающего к нему с внешней стороны слоя выявила сложный характер стратиграфии западания, указывавший на то, что процесс заполнения кольцевого ровика проходил в несколько этапов. Верхняя часть заполнения представляла собой светло-серую супесь в отдельными включениями угля (на кв. Г-1, 2, Ж-1, 3 — в виде линз аморфных очертаний) и находками преимущественно мелких кальцинированных косточек. Ниже в ровике залегал более темного цвета серый песок с большим количеством частиц древесного угля и кальцинированных костей. Последние встречались в заполнении западания повсеместно, но их концентрация и размеры раздробленных кремированных костей была в разы больше на участках в кв. А-1, 3 и Б, В-1, 2. В нескольких местах при расчистке были отмечены следы округлых пятнышек, на кв. В, Г-2 они как будто были сгруппированы в ряд, однако строгого порядка в расположении этих следов проследить не удалось. В придонной части заполнения ровика отмечена более или менее мощная, обильно насыщенная углем прослойка слоя с лишь отдельными находками фрагментов лепной керамики и кальцинированных косточек. На разных уровнях в заполнении встречались отдельные обожженные камни, особенно многочисленные в придонной части, где часть камней была сильно обожжена (ряд булыжников до состояния дресвяника). Ни линии кв. Ж, вдоль западной стенки раскопа, ровик уходил в обрыв берега реки, его заполнение было нарушено и представляло собой однородную серую супесь с отдельными немногочисленными находками. В смежных угловых частях кв. Д, Ж-1, 2 ровик прерывался примерно на 1 м (рис. 2). На кв. IV расчищена уходившая в стенки раскопа яма окружлой формы, заполненная углистой супесью, в которой встречены 3 фрагмента лепной керамики и неопределенный железный предмет.

Индивидуальные находки встречались в заполнении ровика повсеместно, не образуя заметных скоплений. Возможными исключениями могут быть найденные на площади около 0,5 кв. м у границы кв. Ж-1,3 сломанная гривна, фибула и массивный трубчатый игольник (рис. 3) и некоторое скопление вещей (сломанная тордированная гривна, спиралеконечная фибула, игла еще одной, спекшиеся бусы, наконечник стрелы, крупные фрагменты лепных сосудов — рис. 4: 1-3; 5: 3; 6: 1, 3) на смежных участках кв. А-1,3 и Б-1, совпадающее с зоной повышенной концентрации кальцинированных костей. Однако и в данных случаях скопления предметов с уверенностью нельзя счесть комплексами отдельных погребений, поскольку вещи были рассеяны и найдены на разной глубине. Показательно сравнительно (с прочим инвентарем) небольшое количество кальцинированных костей, которые, насколько это было возможно без промывки, тщательно выбирались из слоя; при этом более 75 % косточек происходит из отмеченного выше скопления. В ровике, очевидно, рассыпались неполные остатки сожжений.

Сведения о составе находок, собранных в раскопе, приводятся в таблице 1. В ней разделены находки в верхней и нижней частях заполнения кольцевого ровика. При этом верх и низ заполнения вскрытого полукольца ровика в соответствующих столбцах таблицы не вполне соответствуют слоям, описанным выше и определено прослеживавшимся на восточных и юго-восточных квадратах. За сведениями о более точном планиграфическом и стратиграфическом положении раннесредневековых находок можем лишь отослать к более подроб-

ному полевому отчету, отразить их в данной, по сути предварительной, справке не представляется возможным.

Таблица 1.

Инвентарь раскопа 2011—2013 гг. на могильнике Шуя

№	Категории инвентаря	Слой пахоты	Ровик, верх	Ровик, низ	Всего
1	Осколки стекла	15	4	-	19
2	Осколки фарфора, фаянса	9	1	-	10
3	Гвозди (железо)	6	2	-	8
4	Неопределенные предметы и обломки (железо)	6	7	1	14
5	Несожженные кости	5	-	2	7
6	Фрагменты поливной керамики	12	-	-	12
7	Фрагменты красноглиняной гончарной керамики	58	13	-	71
8	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	50	6	-	56
9	Ременная пряжка (железо)	1	-	-	1
10	Обломок «уклада» (железо)	1	-	-	1
11	Железные шлаки	3	6	1	10
12	Куски ошлакованной глины	8	7	3	18
13	Фрагменты лепной керамики	131	476	75	682
14	Кальцинированные кости	160	1507	192	1859
15	Стеклянные бусы и бисер	1	6	-	7
16	Оплавленные и спекшиеся в куски стеклянные бусы	4	8	-	12
17	Бронзовые бусы	-	4	-	4
18	Керамические бусы	-	3	-	3
19	Сердоликовая бусина	-	1	-	1
20	Шейные гривны (бронза)	-	2	-	2
21	Фибулы и их обломки (бронза)	1	4	-	5
22	Подвески, привески и их обломки (бронза)	-	8	-	8
23	Пронизки (бронза, рог)	-	3	-	3
24	Обломки спиралек (бронза)	-	2	-	2
25	Обоймицы (бронза)	-	3	-	3
26	Массивный литой игольник (бронза)	-	1	-	1
27	Обломки браслетов (бронза)	1(?)	-	1	2
28	Обломок круглого дрота (бронза)	-	1	-	1
29	Неопределенный оплавившийся предмет (бронза)	1	-	-	1
30	Наконечники стрел (железо)	1	1	-	2
31	Ножи и их обломки (железо)	-	1	2	3
32	Рыболовный крючок (железо)	-	1	-	1
33	Кремень от огнива	-	1	-	1
34	Обломок просверленной гальки (камень)	1	-	-	1
35	Обломок орнаментированного предмета (рог)	-	-	1	1
36	Фрагменты керамики раннего железного века	12	2	-	14
37	Обломки заготовок орудий (сланец)	1	2	-	3
38	Обломки абразивов (песчаник, сланец)	1	1	-	2
39	Отщепы, чешуйки сланца	13	5	2	20
40	Отщепы, чешуйки кремня	10	4	3	17
41	Отщепы, чешуйки кварца	3	1	1	5
42	Отщепы, чешуйки лидита	2	1	-	3
Итого		417	2095	284	2796

Помимо раннесредневековых, материалы иных эпох представлены в раскопе в виде примесей. На всей вскрытой площади встречены отдельные отщепы сланца (точнее, характерного шуйского метатуфа), кремня, кварца и лидита, наряду с обломками заготовок сланцевых орудий и абрзивами, фиксирующие посещения площадки в энеолите. Только на прибрежных линиях квадратов (Д, Ж) найдены около дюжины мелких частью орнаментированных черепков керамики, которые вероятнее всего следует отнести к раннему железному веку (точнее не определимы). Небольшим количеством рассеянных фрагментов представлена позднесредневековая белоглиняная керамика. Наконец, в пахотном слое был встречен также немногочисленный бытовой мусор Нового и Новейшего времени. К этому близкому к современности времени относится яма глубиной до полуметра, уходившая в угол раскопа на кв. Ж-2: в заполнении встречены несколько гвоздей фабричного производства.

* * *

Проведенные исследования на могильнике носили по сути разведочный характер: даже его размеры (рис. 1) пока определены весьма приблизительно лишь по сведениям «черных копателей», обследовавших площадку с помощью металлоискателей и извлекших из земли отдельные вещи на разных, точно не локализовавшихся по воспоминаниям участках. Не проведен ряд необходимых естественнонаучных определений. Раскопом 2011–2013 гг. площадью 144 кв. м вскрыта примерно половина одного погребального сооружения. Полученные в ходе раскопок данные, вместе с коллекцией «черных копателей», позволяют, тем не менее, определить хронологию памятника и охарактеризовать в предварительном плане его культурную принадлежность.

Вскрытое раскопом примерно наполовину погребальное сооружение представляло собой кольцевой ровик с восстановляемым диаметром 10–15 м, шириной от 1–2 и более метров, глубиной 0,2–0,35 м от уровня материка (рис. 2). Стратиграфические данные и планиграфические наблюдения в ходе раскопок позволяют заключить, что дно ровика было первоначально сильно обожжено, на что указывают более или менее мощная на разных участках углистая линза и разложившиеся до состояния дресвяника камни. Последние, встреченные в заполнении и выше дна западания, как можно полагать, играли какую-то роль в погребальном ритуале. Немногочисленные находки на дне (мелкие фрагменты лепной керамики, отдельные кальцинированные косточки), по нашему мнению, исключают возможность интерпретации этих следов как места сожжения останков покойных на месте. Далее ровик засыпался в несколько этапов, литологически достоверно в восточной части раскопа выделяются два слоя заполнения. В разных частях углубления фиксировались аморфные в плане, разных размеров углистые линзы. Прослеженные, насколько это было возможно в сером супесчаном грунте, округлые пятнышки диаметрами около 5 см, лишь предположительно интерпретируются как следы кольев, и тогда ровик, возможно, имел перекрытие.

Отдельные погребения не выделяются: повышенная концентрация кальцинированных костей в виде заметного кластера, в основном в нижней части заполнения ровика, была отмечена в смежных частях кв. А-1, 3, Б-1, 2, за комплекс лишь предположительно можно принять найденные компактной группой украшения, собранные на границе кв. Ж-1, 3 (рис. 2). В целом, остатки трупосожжений и вещи были рассыпаны на разных уровнях заполнения в ровике повсеместно.

Прослеженные в раскопе 2011–2013 гг. детали обряда и предположительно реконструируемый облик погребального сооружения не имеют сколько-нибудь близких аналогий на широких прилегающих территориях Севера. Полагаем при этом, что отсутствие аналогий может объясняться не столько уникальностью сооружения, сколько сложностью выявления

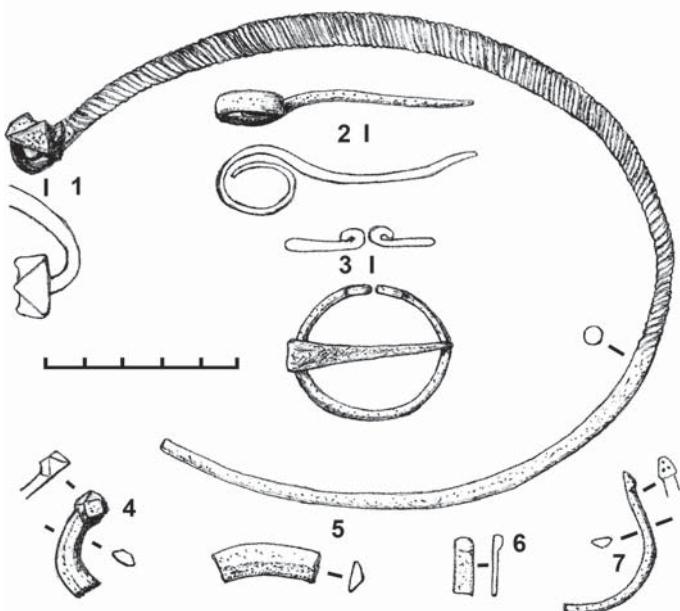

Рис. 3. Бронзовые украшения и их обломки из раскопа 2011—2013 гг. на могильнике Шуя. 1 — гривна, 2-5 — фибулы, 6,7 — браслеты

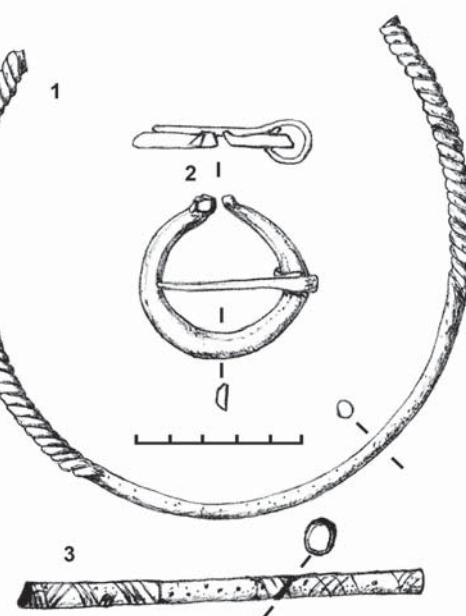

Рис. 4. Бронзовые украшения из раскопа 2011—2013 гг. на могильнике Шуя. 1 — сломанная гривна, 2 — фибула, 3 — игольник

такого рода объектов (имеем в виду — не только в Прионежье) обычными методами археологической разведки, то есть шурфовкой. Этим объяснимо то, что могильник, не имеющий никаких топографических примет, был случайно выявлен «черными» поисковиками с помощью металлодетекторов уже после нашей шурфовки, ориентированной скорее на поиск следов поселений, и даже осмотра в один сезон оказавшейся грубо распаханной трактором площадки в 2000-х годах.

Погребальный обряд, таким образом, никак не проясняет культурную принадлежность памятника. Более информативным в этом плане оказывается вещевой инвентарь — собранный как поисковиками и опубликованный [24: 28—36] (в дальнейшем — сборы), так и в ходе раскопок.

В раскопе обнаружены два наконечника стрел. Один (рис. 6: 3) с первом «пламенеющей» формы относится к типу 46 по А. Ф. Медведеву [14: 67—68] («ромбовидные новгородского типа»). Абсолютное большинство находок наконечников данного типа происходит с памятников Восточной Европы IX—XI вв. Второй наконечник (рис. 6: 2) — типа 62 по А. Ф. Медведеву [14: 73—74] («ланцетовидные»). По находкам на раннесредневековых памятниках Северо-Запада России и шире этот тип в истоках убедительно связывается с североевропейскими древностями эпохи викингов.

В коллекциях представлены три обломанных дротовых тордированных гривны из бронзы (так называемого «глазовского типа») — в сборах одна и в раскопе две. Два экземпляра имеют граненые головки на сохранившихся частях замков, на гривне из раскопа одной гривны сохранившаяся головка украшена шипами (рис. 3: 1). На второй гривне из раскопа концы предмета с замком не сохранились, украшение отличается менее плотными бороздками и, соответственно, более крупными бороздками кручения на тордированных частях (рис. 4: 1). М. В. Фехнер [26: 56—59, 75—76], со ссылками на работы Х. Салмо, М. Стенбергера и Э. Кивикоски, указала на происхождение гривен этого типа из Юго-Западной Финляндии и Прибалтики, где они датируются IX—X (XI?) вв. Лидирующее место по числу находок гривен данного

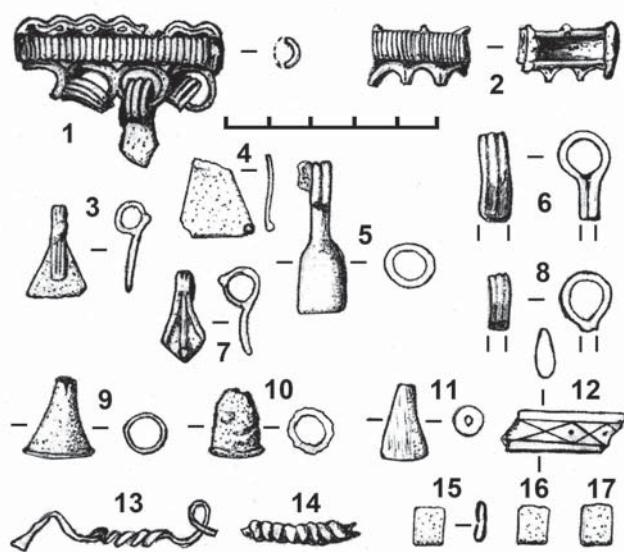

Рис. 5. Украшения, их детали и обломки из раскопа 2011–2013 гг. на могильнике Шуя.

1–10, 13–17 — бронза, 11, 12 — рог.

1,2 — подвески-пронизки из полутрубочек,
3–11 — подвески, пронизки и их фрагменты,
13–17 — части нагрудных украшений

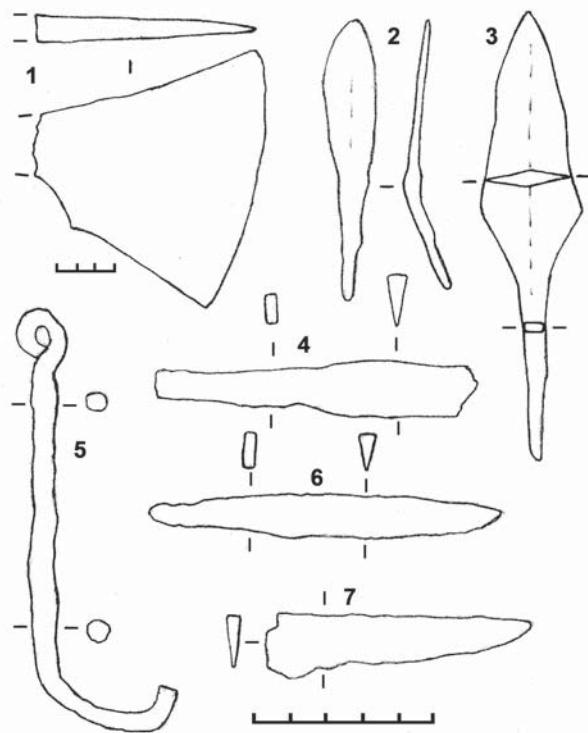

Рис. 6. Предметы вооружения и хозяйственно-бытовой инвентарь из сборов (1) и раскопа 2011–2013 гг. на могильнике Шуя.

1- обломок топора, 2,3 — наконечники стрел,
4-7 — ножи и обломки, 5 — рыболовный крючок

типа в Восточной Европе занимает Юго-Восточное Приладожье, в курганных могильниках которого, по подсчетам С. И. Кочкуриной [1989. С. 262], они найдены в количестве 22 экземпляров в комплексах конца IX – начала XI в. К учтенным приладожским находкам надо добавить 2 гривны того же типа из могильника у д. Кривой Наволок на р. Паша [15: 116]. Сравнительно недавно к вопросам типологии и хронологии дротовых тордированных гривен в связи с детальным анализом предметов варзугского клада обратились В. М. Горюнова и О. В. Овсянников [2: 211–220]. Согласно их общим выводам, наши находки принадлежат к поздней группе украшений данного типа, хронология которого без специальных обоснований определяется авторами указанной статьи в узких пределах последней четверти X — середины XI в. Географически ближайшая аналогия шуйским гривнам происходит из курганов Кокорино в Уницкой губе Онего [18: 169–171].

Поисковиками на памятнике собраны пять и обломок дуги шестой бронзовых подковообразных фибул с гранеными головками. Одна целая и части еще двух фибул этого типа происходят из раскопа, такому же украшению скорее всего принадлежала и найденная отдельно крупная игла от фибулы (рис. 3: 1, 4, 5). Головки застежек оформлены по-разному, но в пределах вариантов типа. М. В. Фехнер [26: 59] подмечена стилистическая связь головок этого типа фибул с гранеными головками описанных выше тордированных гривен, подтверждаемая их совместными находками в погребениях древнерусского времени. Вслед за Х. Салмо [30: 28, 38, 50], она посчитала такие застежки «чисто финским типом, характерным для X в.».

Последняя полная сводка данных по фибулам данного типа, предпринятая в связи с анализом находок на Рюриковом городище под Новгородом, принадлежит Н. В. Хвощинской [29: 60–63. Fig.1]. Ею показано, что фибулы с гранеными головками являются одним из характерных элементов общебалтийской культуры / дружинно-купеческой

субкультуры эпохи викингов, они встречены в десятках экземпляров в странах Балтии, Финляндии (более 100 экз. — [28: 102—103]), Швеции, Норвегии и на древнерусской территории, где они датируются IX—X (XI?) вв. В Восточной Европе находки концентрируются в Юго-Восточном Приладожье (44 экз.) [6: 29—30; 7: 265], встречены на Карельском перешейке (5), на Рюриковом городище (19), в Новгороде (4), в Белозерье (2), на Сарском городище в Верхнем Поволжье (9), в могильниках Ярославского Поволжья (7). Прослежено, что и в регионе Балтики, и на древнерусской территории в могильниках такие же, как в Шве, крупные фибулы обычно встречаются в мужских захоронениях [13: 159—162, 181—182; 10: 43.; 28: 62—63]. Добавим, что помимо восьми-девяти шуйских фибул (с обломками), в Прионежье известны еще три находки подковообразных застежек с гранеными головками: у массивных украшений из окрестностей Повенца на северном берегу Онего [25: Рис. 3] и из приустья р. Илекса (оз. Водлозеро) [23: 246—247] головки украшены шипами, у обломка более миниатюрной фибулы из приустья р. Суна [5: 202. Рис. 6 3:9] граненая головка гладкая.

Из сборов происходят две бронзовые подковообразные спиралеконечные фибулы с круглым сечением дуг, из раскопа — еще один экземпляр (рис. 3: 3). Они относятся к наиболее простому и широко распространенному типу, встречающемуся в могильниках и на поселениях Восточной и Северной Европы в комплексах X (и ранее) — XIII вв. [13: 152—153], в Новгороде — слоях до 1268 г. [8: 75]. В культурном плане тип абсолютно нейтрален.

В коллекции представлен массивный трубчатый игольник, украшенный нарезками, без петель для привешивания (рис. 4: 3). Хронология этого типа, тяготеющего к североевропейскому кругу древностей, не выходит за пределы начала XI., в приладожских курганах встречены семь таких игольников [7: 268—269].

Из раскопа и сборов происходят две бронзовые бусы в форме «флакончиков». Такие бусы на рубеже I—II тыс. были характерны для оятских могильников Юго-Восточного Приладожья (найдены и на значительно более обширных территориях), где С. И. Кочкуркина [7: 26—27] предполагает центр их производства, датируя в основном X в. Бусы-«флакончики» входили в состав инвентаря погребений двух других курганных групп, известных на Онежском озере [18: 170; 3: 114].

Найдены три бронзовые шумящие подвески из рубчатых полутрубочек — одна из сборов, две в раскопе. Они однотипны, украшены сверху припаянной «волной» из двучастного дрота, на экземпляре из сборов сохранилась одна из трех привесок треугольной формы (рис. 5: 1, 2). Тип украшения имеет истоки в волжско-финских древностях рубежа I—II тыс. (муромские и мордовские могильники) [21: 228—229]. Целый ряд находок выявлен в могильниках и на поселениях Белозерья и истоков р. Сухона, в последнем регионе — в комплексе, узко датированном второй половиной X в. [11: 18—19]. Лишь единичные подобные подвески известны в Юго-Восточном [19: 30 — комплекс рубежа X—XI вв.] и Северном [22: С. 74—75 — комплекс первой половины XI в.] Приладожье.

К волжско-финскому кругу древностей, найденных исключительно в раскопе, следует отнести также мелкие бронзовые украшения и их обломки, не выявленные металлоискателями: подвески трапециевидные и бутылковидные, в виде «гусиной лапки», пронизки, бронзовые обоймицы от нагрудных женских украшений (рис. 5: 3—11, 15—17). На юго-восточное происхождение этих предметов указывают стилистические (двух- и трехчастное оформление петель подвесок) и технологические (применение пайки — рис. 5: 3) приметы. Неопределены в культурном плане две найденные бронзовые спиральки (рис. 5: 13, 14).

Предметы хозяйственно-бытового назначения (кроме керамики) найдены в небольшом числе и только в раскопе: очень крупный рыболовный крючок (рис. 6: 5) (Шуя и по сей день является рекой, в которую заходит на нерест онежский лосось), один целый и обломки еще двух-трех ножей, несколько обломков неопределенных железных предметов. Целый и обломок другого ножа по форме выходят из имеющихся восточноевропейских классификаций: у них при ковке не выделен переход от черешка к лезвию (рис. 6: 4, 6, 7).

Две категории находок принципиально не могли быть обнаружены «черными копателями» — стеклянные, каменные бусы и керамика. Коллекция бус из раскопа немногочисленна, но довольно своеобразна, она включает стеклянные, бронзовые, каменные и керамические экземпляры. Не претендуя на детальный анализ, отметим лишь общие характеристики собранной коллекции бус.

Наиболее многочисленную группу составляют синие зонные бусины, большая часть находок — в виде спекшихся на погребальном костре в куски частей ожерелий, поэтому точное число таких бус указать невозможно. Определяемые оплавленные и единственный целый экземпляр имели диаметр около 0,8 см. Бусы (по размерам — это не бисер) относятся к типу 2, варианту 1 по Ю. Л. Щаповой [27: 166—167] и датируются по новгородским и многочисленным курганным находкам X—XI вв. Практически все бусы этой группы встречены в заполнении ровина на кв. Б—Г—1,2.

Единственным экземпляром представлена частью оплавленная черная бусина, декорированная белыми поперечными полосками и гладкими красными глазками с зелеными ядрышками в центре, ресничками. Этот распространенный тип глазчатых бытует до XI в. включительно [27: 177—178], он широко представлен в курганных древностях Юго-Восточного Приладожья [7: 262] и не редкость в раннесредневековых комплексах многослойных поселений Прионежья [5: 198].

Описанная бусина относится к группе II, по типологии З. А. Львой [9]. К этой же группе принадлежит еще одна частью оплавленная более редкого типа бусина черного цвета, украшенная многорядными концентрическими глазками: ядрышки из синего стекла окружены двойными белыми колечками (полные или близкие аналогии: [9: 72; 1: 115; 12: 121. Цв. илл. VI: 142]. Данное украшение едва ли может быть датировано позднее X в. В коллекции есть еще одна подобная бусина, но она сильно оплавлена и не поддается уверенному определению.

Наборным путем, очевидно, выполнена и еще одна побывавшая в огне бусина — цилиндрической формы, округлая в профиле, украшенная чередующимися поперечными полосками красного, желтого, синего и зеленого цветов. Ее датировка по аналогиям в Ладоге, Приладожье и Скандинавии, также не выходит за пределы X в. [9: 77].

Единственным экземпляром представлена сердоликовая четырнадцатигранная бусина. По новгородским и курганным материалам, этот тип каменных бус датируется в пределах X—XI вв. [17: 75].

Несколько особняком в коллекции стоит слабо перевитая стеклянная пронизка из голубовато-серого стекла, обломанная с двух концов, длиной сохранившейся части около 2 см. Она определяется как полуфабрикат — заготовка для изготовления рубленого бисера. В Ладоге такие трубочки-полуфабрикаты встречены в слоях с IX, но преимущественно X в. [9: 90], известны на Рюриковом городище под Новгородом и поселении Крутик на р. Шексна [1: 114], то есть в центрах дальней международной торговли в эпоху викингов.

Мелкий рубленый бисер, подвергшийся после рубки дополнительной оплавке, представлен двумя экземплярами из желтого и бесцветного стекла.

Своеобразие коллекции бус придает наличие в ней бронзовых и керамических экземпляров. Первые, помимо упомянутых выше бус-флакончиков, представлены четырьмя экземплярами округлых бусин шаровидной или зонной формы диаметрами 7—9 мм. Эти бронзовыебусы заставляют вспомнить литейные многоканальные формы для отливки подобных бус или бисера, известные по находкам на Сарском городище, в мордовских могильниках, иных памятниках. Географически ближайшие аналогии происходят из древнейших слоев Старой Ладоги [4: 59] и с поселения Илекса 4 на оз. Водлозеро в Восточном Прионежье (не ранее середины XI в.) [23: 250]. Керамических бусин найдено три, бочонкообразной и кольцевидной формы. К ним примыкает обломанная слабо изогнутая керамическая трубочка со сквозным отверстием, возможно, также использовавшаяся в составе ожерелья.

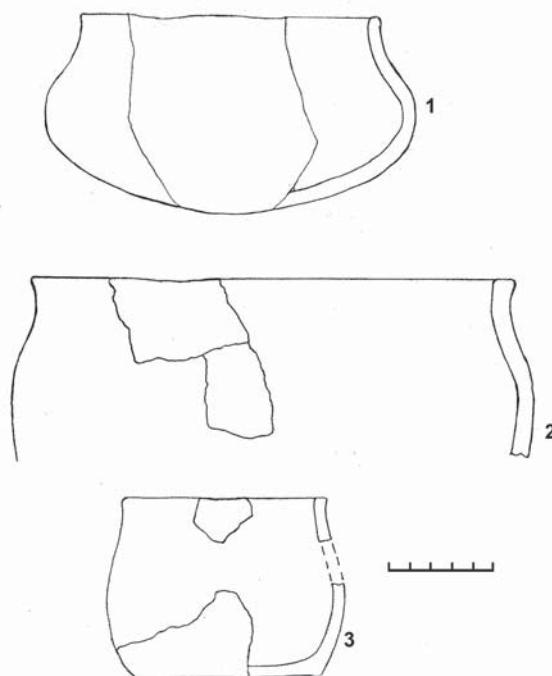

Рис. 7. Реконструируемые формы лепной посуды из раскопа 2011—2013 гг.
на могильнике Шуя

заполнения ровика. Учитывая, что раскопом изучена примерно половина погребального сооружения, надо признать, что керамической посуды в комплексе много, что само по себе свидетельствует о достаточной продолжительности периода и многократности совершения погребений на могильнике.

Судя по имеющимся преимущественно мелким фрагментам, лепная посуда представлена горшками с плавными очертаниями профиля, сколько можно судить — с короткими прямыми или чуть отогнутыми наружу венчиками (рис. 7, 8). Сосуды таких форм

Керамика из раскопа сильно измельчена, крупные фрагменты, позволяющие судить о формах сосудов, единичны. Полагаем, что сильная фрагментированность подавляющего большинства обломков посуды является результатом намеренных действий, имевших какое-то отношение к погребальному ритуалу. По венчикам и характерным профильным фрагментам выделяется примерно 20 лепных не орнаментированных сосудов (рис. 7, 8). Гончарная керамика представлена всего двумя обломками стенок одного горшка древнерусского облика (рис. 8: 19) с характерными рядами горизонтальных каннелюров, причем эти фрагменты были обнаружены в самой верхней части

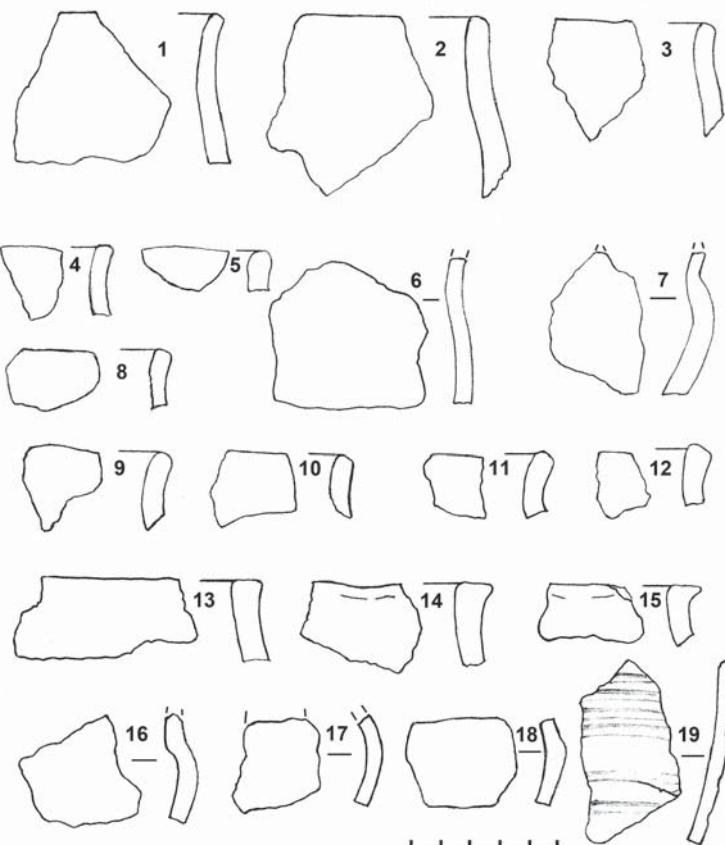

Рис. 8. Фрагменты лепных (1—18) и гончарного (19) сосудов из раскопа 2011—2013 гг. на могильнике Шуя

являются общераспространенными на раннесредневековых памятниках Северо-Запада России. Отметим лишь один фрагмент ребристого плечика сосуда (рис. 8: 18). Особняком в коллекции стоит круглодонная не орнаментированная чаша (рис. 7: 1), форма которой не увязывается с древностями Северо-Запада России и, полагаем, восходит к прикамским экземплярам. Можем указать лишь две географически близкие аналогии из курганов на р. Оять в Приладожье и из Кокорино на Онежском озере. Вероятно, такие оригинальные круглодонные чаши из могильников в Шуе и в Кокорино следует рассматривать вкупе со следами западноуральских контактов, намечаемых по некоторым типам бронзовых женских украшений (двуконьковая подвеска, огнива с бронзовыми рукоятями). В Кокорино это еще и три экземпляра подвесок — «всадниц на змее» [20: Каталог, №№ 224—242].

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск, 1991.
2. Горюнова В. М., Овсянников О. В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 211—220.
3. Гроздилов Г. П. Курганы у д. Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 111—114.
4. Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1980. Вып. 21. С. 59—67.
5. Косменко М. Г., 1992 — Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
6. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
7. Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X—XIII вв. Петрозаводск, 1989.
8. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 29—98.
9. Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 1. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1968. Вып. 10. С. 64—94.
10. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI—XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
11. Макаров Н. А. Ростово-суздальская колонизация на Севере: новые археологические данные // КСИА. М., 2007. Вып. 221. С. 6—24.
12. Макаров Н. А., Зазаров С. Д., Шиолянский С. В. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 113—141.
13. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории древнерусской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 149—190.
14. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. М., 1996. Вып. Е1 — 36.
15. Носов Е. Н., Хвоцкая Н. В., Янссон И., Могильник у деревни Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладожье (по следам забытой коллекции Новгородского музея) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 2007. С. 107—132.
16. Носов Е. Н., Хвоцкая Н. В. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв. СПб. С. 6—17.

17. Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75—82.
18. Равдоникас В. И. Скандинавские находки в курганах Прионежья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9—10. С. 169—171.
19. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия ГАИМК. М., Л., 1934. Вып. 94.
20. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. Е1—60
21. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
22. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.
23. Спиридовон А. М. Раннесредневековые памятники в приустье р. Илексы // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 246—254.
24. Спиридовон А. М. Колония эпохи викингов в Шве под Петрозаводском // Уч. зап. ПетрГУ. 2013. № 5. С. 28—36.
25. Станкевич Я. В. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 94—110.
26. Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории древнерусской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55—87.
27. Щапова Ю. А. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА: М., 1956. № 55. С. 164—179.
28. Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari II: The Artefacts // SMYA: Helsinki, 1982. N 82: 2.
29. Khvoschinskaya N. V. Penannular brooches from Ryurikovo Gorodische // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th—13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 60 —69.
30. Salmo H. Finnische Hufeisenfibeln // SMYA. Helsinki, 1956. N 56.